
Э. С. КУЛЬПИН

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗЕРКАЛО ОБЩЕСТВА*

Цивилизационный подход переживает в XXI веке кризис. Социально-историческая история предлагает системное представление о генетическом коде цивилизаций и «инструменте» его познания через технологии основного хозяйственного процесса с соответствующим хозяйственной практике мироощущением.

Ключевые слова: *социально-историческая история, системный анализ, биосфера Земли, часть и целое, общественное бессознательное, системы основных ценностей, основной хозяйственный процесс.*

Авторы ряда статей на страницах ИПСИ (Алаев 2008; Шнирельман 2009), указывая на трудности и издержки «цивилизационного подхода» к истории, отрицают факт самобытности региональных цивилизаций, что, конечно, вызывает недоумение. Для меня несомненно, что региональные цивилизации содержательно отличаются друг от друга и узнаваемы по этим отличиям, хотя долгое время не удавалось найти ключ к научному объяснению этого факта.

По справедливому замечанию известного специалиста в данной области, «цивилизационные представления переживают в XXI веке кризис» (Ионов 2007: 491). Причины кризиса ученый объясняет так: «Исследовательское сознание все время остается расколотым и инверсионным, между противостоящими группами не налаживается диалог... Базовые цивилизационные идеалы усваиваются в упрощенной форме, подстраиваются под нужды местной самоидентификации... Идея “цивилизации” зачастую воспринимается как всемогущее заклятие, при помощи которого европейцам удалось достигнуть благосостояния и которое должно помочь в любой точке Земли. ... При этом цивилизационные представления позиционируются как догматическое, нормативное знание, а проблематизирующие и диалогические мотивы цивилизационных теорий затухают... Даже в случае провозглашения идеала общественного диалога аксиологическая асимметрия бинарных оппозиций мешает его осуществлению» (Там же: 493–494).

* Исследование проводится по гранту РФФИ № 11-06-00143а.

К перечисленному я бы добавил самое, на мой взгляд, существенное: отсутствие системного метода анализа во всех цивилизационных исследованиях. Есть понимание необходимости выяснения главного, того, что И. Г. Яковенко, например, называет «культурным кодом», «культурным ядром, восходящим к идее генома». Яковенко пытается найти такое ядро в российской цивилизации, но неудовлетворенность итогами собственных поисков видна в утверждении: «Теории, позволяющей систематизировать элементы или признаки, выносимые в качестве характеристик культурного ядра, не разработано. Теоретической модели, описывающей структуру этой сущности, также не предложено. Природа элементов ядра не определена (что это – нормы, ценности, мысленные процедуры?)» (Яковенко 2009: 233–234).

Что прежде всего подразумевает системный подход? Движение от целого к части. Что же является целым? Биосфера Земли, законы, определяющие ее существование. Человечество – часть. Что же объединяет все человечество? На этот счет существует гениальная догадка К. Г. Юнга о коллективном бессознательном. Внутри коллективного – общественное бессознательное больших групп населения, к чему Юнг подошел, но не смог отделить от коллективного бессознательного. Как отыскать подходы к общественному бессознательному, исходя из логики целого? Естественник считает научным только такое исследование, в котором изначально поставлена цель создания целостной картины и системного анализа как средства достижения цели. *Целостная система – это система, все элементы которой взаимосвязаны, и выпадение или добавление нового элемента означает ее разрушение.*

Социоестественная история – научное направление, исследующее взаимодействие природы и общества. Непосредственное взаимодействие человека с природой, как известно, осуществляется в хозяйственной деятельности. *Используемые человеком технологии подчиняются законам природы, а цели и результаты хозяйствования определяются обществом.* В этом взаимодействии активной стороной является общество. Исходя именно из его предпочтений выбирается та или иная технология, что *отражает предпочтения общества или, как говорят социологи, его ценности.* Как почвы, по образному выражению В. В. Докучаева, являются зеркалом ландшафта, так технологии являются зеркалом общества.

Конечная цель социоестественной истории состоит в открытии ядра общественного (цивилизационного) бессознательного – цело-

стной системы основных ценностей общества. Методами социологии выявить эту систему не удастся. Возникает вопрос: почему? Не упираемся ли мы тут в методологическую стену? Не потому ли, что система основных ценностей – это не то, что есть, не то, что реально, а то, что идеально, и в силу этого в реальной жизни недостижимо, но то, к чему общество устремлено? Иными словами, хотя идеал людьми обычно не осознается и его нельзя выявить непосредственно, он не может не находить отражения в повседневной действительности. Наша гипотеза: технология *основного* производственного процесса позволяет обнаружить целостную систему *основных* ценностей общества.

Карл Густав Юнг и его «коллективное бессознательное»

Есть нечто, лежащее в непознанной глубине вида *Homo sapiens*, которое никогда не проявляется в индивидуальном сознании, – «мир по ту сторону сознания». Этот мир *действителен*, что подтверждается опытом. «Только этот мир нам непонятен» (Юнг 1997: 211). Юнг назвал его коллективным бессознательным¹. Как утверждал ученый, «сознание похоже на поверхность или оболочку в обширнейшем бессознательном пространстве неизвестной степени мерности». Наше представление об этом пространстве весьма приблизительно, поскольку «у нас есть только непрямые доказательства, что существует ментальная сфера, пребывающая по ту сторону сознания» (Там же: 14). Бессознательное многослойно, и в нем имеется наиболее глубоко лежащий слой, «где человек уже не является отчетливо выраженной индивидуальностью, но где его разум смешивается и расширяется до сферы общечеловеческого разума, не сознательного, а бессознательного, в котором мы все одни и те же» (Там же: 35). Именно этот безличностный слой Юнг назвал *коллективным бессознательным* и утверждал: его содержания «не контролируются волей и ведут себя так, словно никогда в нас и не существовали – их можно обнаружить у окружающих, но только не в самом себе» (Там же: 38). Существовая одновременно и параллельно с нашим сознанием, «вторая психическая система»

¹ «Коллективное бессознательное есть та часть психики, которая отрицательным образом может быть отличена от личностного бессознательного тем фактом, что в отличие от последнего оно не обязано своим существованием личному опыту и, следовательно, не является персональным приобретением. В то время как личностное бессознательное состоит в основном из некогда осознававшихся содержаний, которые исчезли из сознания, будучи забытыми или подавленными, содержания коллективного бессознательного никогда не входили в сознание» (Юнг 1997: 71).

имеет «коллективную, универсальную и безличную природу, идентичную для всех индивидов. Это коллективное бессознательное не развивается индивидуально, но наследуется» (Юнг 1997: 72). Оно превосходит сознание в пространстве и времени² и в оперативной мощи – способности перерабатывать поступающую извне информацию. Коллективное бессознательное позволяет людям общаться напрямую, минуя сознание³. Но плохо, когда такое общение становится массовым. То, что Л. Н. Гумилев называл пассионарностью, охватывающей целые народы, Юнг квалифицировал как публичное помешательство⁴.

Согласно Юнгу, «психология – в первую очередь и по преимуществу – наука о сознании. Она же и наука о продуктах того, что мы называем бессознательным психическим. Мы не можем непосредственно, “в лоб”, изучать бессознательное психическое – у нас с ним нет никакой связи. Мы можем иметь дело только с продуктами сознания, которые, как можно полагать, имеют свое происхождение в области, называемой бессознательным, области “туманных представлений”» (Там же: 13).

Само определение понятия у Юнга также «туманно». С одной стороны, он неоднократно утверждал, что речь идет о свойстве, присущем всем людям независимо от расы и национальности, т. е. о коллективном бессознательном. С другой – подчеркивая, что речь идет о том же понятии, говорил уже не о коллективном, а о национальном, т. е. общественном, бессознательном. Так, он утверждал, что «Гитлер – это сама нация», что «для всякого немца Гитлер является зеркалом его бессознательного, в котором не для немца ни-

² Сравнивая сознание и бессознательное, Юнг писал: «Помимо всего прочего сознание характеризуется известной узостью. Оно способно нести в себе весьма малое информационное содержание одновременно. ...Пространство всегда громадно и непрерывно, в то время как пространство сознания – ограниченное поле моментального видения» (Юнг 1997: 15). «Коллективному бессознательному присущи внепространственные и вневременные свойства» (Там же: 94).

³ «При разговоре с индивидом, у которого возникают “конstellированные”, т. е. активированные бессознательные, содержания, возникает параллельная им constellация в собственном бессознательном. Это бессознательное тождество, в котором обе индивидуальные сферы до такой степени пронизывают друг друга, что уже трудно решить, что и кому принадлежит» (Там же: 94–95).

⁴ «Как правило, когда коллективное бессознательное constellруется в больших социальных группах, то результатом становится публичное помешательство, ментальная эпидемия, которая может привести к революции или войне и т. п. Подобные движения очень заразительны – заражение происходит потому, что во время активизации коллективного бессознательного человек перестает быть самим собой. Он не просто участвует в движении, он и есть само движение» (Там же: 38). «Процесс оживления бессознательных фантазий связан с бедственным положением сознания» (Там же: 145; см. также с. 114–115).

чего не отражается» (курсив мой. – Э. К.). Гитлер – «шаман, сильный не сам по себе, а в силу власти, спроектированной на него людьми» (Юнг 1997: 190, 176, 174).

Неопределенность в понятиях стала причиной невосприятия идей ученого научной общественностью. Неслучайно лекцию «Понятие коллективного бессознательного» Юнг начинает словами: «Вероятно, ни одно из введенных мной эмпирических понятий не было встречено с таким непониманием, как идея коллективного бессознательного» (Там же: 71). Сам ученый писал об этом так: «Употребляя термин, мы должны определить его значение, в противном случае мы будем говорить на невразумительном языке, а для психологии это просто несчастье» (Там же: 20).

Формальный вывод из рассуждений Юнга сводится к тому, что бессознательное принципиально непознаваемо. Именно это вызывало сопротивление научной общественности, обвинения в ненаучности. Юнг доказывал свою правоту работой. Метод, основанный на том, что «наш бессознательный разум, подобно телу, является хранилищем реликтов и воспоминаний о прошлом» (Там же: 34), был результативным как в его собственной врачебной практике, так и в практике его последователей.

Конкретная рекомендация психоаналитика относительно того, как «достичь темной сферы человека», сводится к двум методам: анализу текста словесных ассоциаций и сновидений, а также «методу активного воображения» (Там же: 35). Действительно, Юнгу удавалось достичь подсознания и успешно лечить больных. Но то, что возможно в отношении индивидуального пациента, оказалось неосуществимым для массового. Вероятно, поэтому, как пишет В. Зеленский – психотерапевт и аналитик, комментатор и популяризатор юнгианских идей в нашей стране, – хотя идея коллективного бессознательного и «выступает ключевым для всей аналитической психологии и в истории психологии вполне может считаться “наиболее революционной идеей XX века”», она «повисла» в научном вакууме. И «серьезные выводы из нее так и не были сделаны до сего времени» (Зеленский 1994: 9). Однако так ли все безнадежно?

* * *

Прежде всего отметим, что в конкретном методе Юнга наблюдается не само безличностное коллективное бессознательное, но его *отражение* в словесных ассоциациях и сновидениях. Образно гово-

ря, мы наблюдаем феномен *зеркала*. Следовательно, для общественного бессознательного необходимо также найти свое «зеркало».

Если говорить об объекте исследования, в котором мифологические мотивы выражали бы «психологический механизм интроверсии сознательного разума в глубинные пласты бессознательной психики» и из которых «актуализировалось» бы «содержание безличностного, мифологического характера», того, что Юнг называл «безличностным или коллективным бессознательным» (Юнг 1997: 31–32), то трудно найти объект более выразительный, чем страны Дальнего Востока⁵. И специфику его увидеть легче всего в сравнении со странами Западной Европы.

Бессознательное оперирует архетипами. «Архетипов имеется ровно столько, сколько есть типичных жизненных ситуаций. Бесконечное повторение отчеканило этот опыт на нашей психической конституции – не в форме заполненных содержанием образов, но прежде всего как *форм без содержания*, представляющих только возможность определенного типа восприятия и действия. Когда встречается ситуация, соответствующая данному архетипу, этот архетип активизируется, появляется принудительность, которая, подобно инстинктивному влечению, прокладывает себе путь вопреки всякому разуму и воле...» (Там же: 77–78).

Если Юнг находил примеры тому в своей врачебной практике, излечивая от недугов отдельных людей, то можем ли мы наблюдать то же явление на массовом уровне? Надо найти зеркало, в котором явственно отражаются общественные установки. Таким зеркалом может быть природа, преобразованная человеком. В технологии *основного* производственного процесса общества (в доиндустриальный период – сельскохозяйственные технологии) должны найти отражение *основные* ценности общества как системы, составляющие главную цель любой системы – стремление к самосохранению, что и является содержанием коллективного бессознательного, так сказать, «в сухом остатке». Попробуем выяснить, какие ценности отражаются в двух технологиях зерноводства, характерных для дальневосточной и европейской цивилизаций.

⁵ В Японии в эпоху реставрации Мэйдзи развитие японской государственности не могло обойтись без Конфуция и Мэн-цзы и шло под девизом «японский дух, западное знание» (Мещеряков 2009: 246–247). В разгар культурной революции в Китае в центральной прессе шла широкая дискуссия «пи Линь – пи Кун» («против Линь Бяо, против Конфуция»), в которой на равных цитировались изречения Конфуция, жившего две с половиной тысячи лет назад, и Линь Бяо, жившего в XX веке.

Технология пшеничного зерноводства и система ценностей европейской цивилизации⁶

Посев пшеницы должен производиться тогда, когда почва достигнет спелости – особого биохимического и биофизического состояния, исключительно благоприятно влияющего на биологическую активность прорастающих семян. *Состояние спелости – кратковременное явление*, а в аридном климате оно сохраняется буквально считанные часы. Зерна, попавшие в это время в подготовленную землю, дают быстрые, дружные, сильные всходы, а посеянные в другое время – недружные и слабые. Плохие всходы чреваты рядом негативных последствий, в том числе не только текущими – плохим урожаем, но и долговременными – падением плодородия почв, снижением сопротивляемости верхнего слоя почвы водной и ветровой эрозии.

В естественных биоценозах процесс смыва верхнего, самого плодородного, слоя почвы идет постоянно и повсеместно, однако ему противостоит и в целом превалирует над ним другой процесс – образования плодородной почвы из материнской породы за счет деятельности живых организмов, в том числе и прежде всего растений. *Переход от естественного биоценоза к искусственному (в рассматриваемом случае – пшеничному зерноводству) означает, что при одном урожае в год значительную часть времени земля остается незащищенной растениями от водной и ветровой эрозии.*

Если зимой снежный покров невелик или вовсе отсутствует, возможны, как, например, в Северном Китае со времени распашки лессового плато, пыльные бури. Ветер поднимает, отрывает от земли самые мелкие, т. е. самые богатые питательными веществами, частицы почвы. При сильной ветровой эрозии плодородие почв снижается на 40–60 % (Карпачевский 1983: 124).

Там, где зимой есть снег, весной талые воды часто сносят существенную часть мелкозема – самой плодородной фракции почвы. В некоторых случаях это почти неизбежные потери, экологические издержки земледелия. В целом в результате водной эрозии урожайность снижается на 60–70 % (Там же: 123).

⁶ Технология выращивания пшеницы, полбы, ржи, ячменя, овса и других зерновых в основных чертах одинакова. Здесь и далее мы будем говорить о пшенице, подразумевая и другие зерновые культуры. Пшеницу выращивают и в Европе, и в Китае. В ханскую эпоху (III век до н. э. – III век н. э.) пшеничная каша являлась основным продуктом питания населения. Но в Европе в отличие от Китая она была единственной технологией основного хозяйственного процесса и в древности, и в Средневековье.

Несвоевременный сев и его следствие – плохие всходы – значительно увеличивают продолжительность действия водной и ветровой эрозии. Если после сева идут столь необходимые для роста растений дожди, то, будучи сильными, они при редких всходах легко смывают верхний слой почвы. Частично почву можно защищать сорняками, выросшими на свободных от культурных растений пространствах, но при такой «защите» (кстати, не слишком эффективной) сильно страдает урожай. Поэтому земледельцы всех времен и народов повсюду, за исключением рисовых полей, стремятся во что бы то ни стало «уложить» сев в период спелости почвы.

Угроза эрозии почв усложняет механическую обработку земли, диктует направление борозд и размеры междурядий (Парсон 1969: 142–143). В соответствии с микрорельефом борозды должны располагаться поперек стока воды. При орошении необходимо, с одной стороны, быстро полить сразу все поле, с другой – поливать не слишком интенсивно, чтобы поток воды не вызвал эрозии (Там же: 44). *Эрозия – главный враг земледельца.* Для противостояния эрозии желательно выровнять поле. Но ровное поле при орошении подвержено засолению. На орошаемых полях *засоление – равноценная эрозии опасность*, подстерегающая земледельца. Профилактика засоления – необходимое и весьма дорогостоящее мероприятие, однако оно дешевле мер, предпринимаемых для рассоления почв (Карпачевский 1983: 82).

Многолетнее культивирование монокультуры на одном поле приводит к снижению концентрации в почве определенных органических соединений и химических веществ, расходуемых на рост именно данного растения. Для восстановления требуемого количества соединений и веществ необходимо вносить их в почву механическим либо биологическим (засаживать культурами, вырабатывающими дефицитные элементы) способом или предоставлять дело восстановления истощенной земли самой природе – оставлять землю под паром.

Поскольку механическая структура почв, как правило, не отвечает оптимальным условиям роста монокультуры, ее нужно периодически искусственно создавать, разрыхляя почву, т. е. обеспечивая благоприятные условия для циркуляции воды и воздуха. Согласно правилам древнеримской агротехники, для внесения удобрений и улучшения структуры почвы до посева земля перепаживалась многократно. В литературных произведениях китайского

Средневековья также упоминается многократная вспашка до посева. Для внесения органических удобрений требуется глубокая вспашка – тяжелый плуг, непосильный для тягловой силы одного человека.

Рост производительности труда в зерновом хозяйстве в истории европейской цивилизации достигался за счет: 1) сокращения сроков пахоты, жатвы; 2) напряженной борьбы против эрозии, засоления и других видов деградации почвы при сокращении резервов пашни; 3) совершенствования агротехники, искусственного повышения плодородия почв. При этом компенсировать несовершенство технологии, ее зависимость от природы можно было лишь с развитием техники. В сельском хозяйстве использовались все более мощные живые и механические энергодвигатели, способные во все более сжатые сроки выполнять большие объемы работ. Для восстановления и повышения плодородия почв на помощь земледелию пришла также химическая промышленность.

Технология производства пшеницы требует от человека личной инициативы, возможности и необходимости выполнить основные производственные операции вовремя и в сжатые сроки. Последнее в идеале требует высокой сложности рабочей силы – общего образования (прежде всего грамотности) работников как условия для более эффективного применения специальных знаний. Земледелец должен иметь в свободном личном распоряжении необходимое, причем значительное, количество орудий труда (механизмов) и тягловой силы. Лучше всего, когда это его личная собственность и он может распоряжаться ею, ни с кем не согласовывая, поскольку для согласования требуется время. Если начальство будет указывать крестьянину, когда производить сев или жатву, то приказ, даже правильный, может оказаться ошибочным, если за время прохождения его до крестьянина запоздает. Далее, земледелие, находящееся под непрерывной угрозой деградации почв, должно иметь резерв пашни, желательно также находящейся в частной собственности, и наличие необходимых удобрений, создаваемых домашними животными. Иными словами, крестьянин обречен вести сложное многоотраслевое хозяйство, где *вся* ответственность лежит лично на нем и не может быть переложена на других лиц и организации. В итоге производство пшеницы оптимально в условиях системы, где ценностью-объектом является *личность*, имеющая возможность *свободно* трудиться (когда *труд* является не служением кому-либо и чему-либо, но самоценностью) и свободно распоря-

жаться средствами труда, т. е. чтобы они находились в *частной собственности*, защищенной *законом* (правом). Далее желательно, чтобы он имел возможность *эквивалентного обмена* результатами своего труда, что служит стимулом для свободного труда и рыночных отношений. Рискованное производство психологически оправдано в том случае, если результат значительно превосходит затраты, а значит, ориентировано на *развитие*.

Повторим в порядке изложения набор взаимосвязанных ценностей, детерминированных технологией производственного процесса, но исторически выбранных обществом: *личность*, *свобода* (деятельности), *самоценный труд*, *частная собственность*, *закон* (правовая система), *эквивалент* (в том числе в его экономической ипостаси – рынок) и *развитие*. Остается установить иерархию их значимости для человека.

Технология заливного рисоводства и система ценностей дальневосточной цивилизации

При наличии общих черт, связанных с единой природой жизни растений на Земле, практически по всем перечисленным выше параметрам технология выращивания заливного риса отличается от технологии возделывания пшеницы. Рисоводы, как известно, семена высаживают не в грунт, а сначала выращивают рассаду. Прорастание ее происходит на специально подготовленной почве, в которой состояние спелости достигается вне зависимости от внешних погодных условий (или эта зависимость сводится к минимуму) – либо в помещении, либо на небольшом участке с микроклиматом: хорошо прогреваемом солнцем и защищенном от холодных потоков воздуха. Рассада – дружные окрепшие ростки – пересаживается в залитое водой поле, когда последнее уже достаточно прогрелось.

Хотя подготовка рассады и высадка ее в поле, пожалуй, более трудоемкий процесс, чем сев пшеницы, будучи растянутым во времени, он посилен человеку без дополнительных энергодвигателей. Необходимость в быстрой пересадке растений практически отсутствует. Требуется другое – индивидуальный подход к каждому ростку – кропотливый высококвалифицированный труд. Поскольку вплоть до недавнего времени не было более совершенной «машины», чем человеческие руки, соединенные с мозгом, ручной труд в рисоводстве даже в наши дни продолжает успешно конкурировать с механизированным. В Японии еще в 1960-х годах рассада пересаживалась в поле в основном руками женщин, мужья которых работали на заводах.

Создание ровного, горизонтального поля в долинах рек, не говоря уже о террасировании горных склонов, строительство больших и малых ирригационных сооружений, обеспечивающих подачу воды на поля, требует огромных трудозатрат, при этом вовсе не обязательно применение мускульной силы животных или машин. Легенда о Юй Гуне, который «передвинул гору», не случайно родилась в Китае. Юй Гун поставил целью собственными руками срыть и на собственных плечах перенести с места на место целую гору. Гора «испугалась» решимости человека и «передвинулась» сама. Легенда, с одной стороны, констатирует реальность возможности изменить окружающий ландшафт без применения дополнительных источников энергии сверх сил самого человека, с другой – является своеобразным моральным императивом, приказом, установкой на долговременный целеустремленный труд по преобразованию природы силами человека. Кстати, такой тяжелый труд окупается. По сравнению с суходольными, богарными полями орошаемое поле дает прибавку урожая в 2–3 раза.

Бич суходольных полей – ветровая эрозия – на поле, значительную часть года залитом водой, практически не страшен. Водная эрозия возможна прежде всего в результате крупных наводнений и при несовершенстве или плохом состоянии ирригационных систем, т. е. зависит не столько от природы, сколько от просчетов в проектировании и нарушения технологического режима эксплуатации ирригационных сооружений. В принципе, обществу вполне по силам исправить ошибки в проектировании. Ирригационная система, созданная по правильному проекту, далее нуждается только в поддержании ее в работоспособном состоянии, чтобы служить людям практически бесконечно. Впечатляющие своей грандиозностью ирригационные сооружения самой многонаселенной китайской провинции Сычуань функционируют уже около 2 тыс. лет.

Далее, рисовые поля в меньшей степени нуждаются в удобрениях, чем пшеничные. Как исключение, культивируемые под пшеницу высокоплодородные почвы речных долин, заливаемых весной водой с илом, почти не нуждаются в искусственном внесении удобрений. В почвенной классификации они выделяются отдельно под названием староорошаемых. Как правило, проточная речная вода на рисовом поле, подобно воде староорошаемых почв, сама является высококачественным естественным удобрением. Она несет в себе мелкие частички земли и растворимые соли, восстанавливая баланс солей, микроэлементов, биохимических соединений,

необходимых для роста растений. Приносимые водой частички земли служат постоянным структурообразующим элементом плодородного верхнего слоя рисового поля. На нем почва не разрушается, а непрерывно нарастает, причем ее качество улучшается. Вода приносит мелкозем – самую плодородную фракцию почвы.

Полевые исследования (Дюдаль 1956) показали, что при благоприятных условиях (на кислых породах) рисовые поля могут развиваться приблизительно за 50–100 лет, когда слой ила начинает превышать 60 см. При неблагоприятных условиях результат будет тот же, но при достижении толщины слоя ила в 1 м. В обоих случаях первоначальные свойства почвы могут совершенно измениться. Формируется уже новая почва, которая через 50–100 лет, в свою очередь, станет подпочвой, будучи погребенной под новыми отложениями ила.

Частицы, приносимые с водой, отмыты от солей, но в дальнейшем при орошении почвы могут засоляться, поскольку вода несет с собой соли. Непрерывный поток воды вымывает соли, в то время как периодическое орошение приводит к повышению концентрации солей в почве, если вода не столько уходит в подпочву, сколько испаряется. Урожайность при этом существенно снижается. На рисовых полях проточная вода способствует рассолению почв.

Затопленные почвы богаты гумусом, азотом, фосфором. Подобная среда благоприятна для роста как зерновых, так и водорослей. Последние разрастаются не столько на полях, сколько в водохранилищах, реках, каналах, протоках. Испокон веков человек борется с водорослями биологическим способом: разведением рыб – белого амура, толстолобика. Таким образом, рисовые поля дают двойной урожай: зерна и рыбы.

Иными словами, технология заливного рисоводства более эффективна, нежели технология возделывания пшеницы: степень зависимости при ней от окружающей среды ниже, противостояние окружающей среде практически отсутствует. Процесс, искусственно созданный человеком по тому же принципу, что и промышленные технологии, протекает подобно естественным процессам в живой природе: не истощая, а укрепляя, расширяя собственную базу, не подрывая, а укрепляя экологическое равновесие. Наконец, заливное рисоводство позволило уже в древности достичь высокой урожайности, причем без угрозы ее снижения из-за засоления почв, без создания сложной материало- и энергоемкой техники, без ис-

пользования дополнительных источников механической энергии сверх сил самого человека. Земледелец получил рычаг, с помощью которого стал способен осуществлять работу, значительно превышающую индивидуальные физические возможности не только самого человека, но и человека, технически вооруженного.

Однако высокоэффективная технология имеет свою негативную сторону: она консервативна. Возможности ее совершенствования ограничены. Экспериментальный поиск требует глубоких научных знаний, больших затрат труда, энергии и материалов, но дает, за крайне редкими исключениями, эффект, не соответствующий затратам. Надежнее, беспроигрышнее не совершенствовать, а просто эксплуатировать производственные системы, основанные на такой технологии, где наибольший эффект дает не внедрение нового, а строгое соблюдение старого, технологическая дисциплина. Здесь более, чем в других случаях, действует закон гомеостазиса: изменения вредны. Помимо эксплуатации природных ресурсов основной вид деятельности как отдельного человека, так и общества в целом – ремонт текущий и капитальный: устранение разрушений, вызванных социально-политическими или природными катаклизмами, – войнами, восстаниями, землетрясениями и т. д., восстановление хозяйственных систем по раз и навсегда найденным стереотипам.

В дополнение к консервативности негативной стороной технологии риса может оказаться и ее самодостаточность. Поскольку для рисового поля органические удобрения необязательны, постольку оно не требует в хозяйстве животных и более широко – многоотраслевого крестьянского хозяйства. Самодостаточное технологически, натуральное экономически, мелкое крестьянское хозяйство, ориентированное на производство монокультуры, само по себе не требует развитого товарного хозяйства, разделения труда, отделения ремесла от земледелия, развития инфраструктуры, территориального расширения единого рынка от малых вмещающих ландшафтов до все более крупных. Иными словами, технология риса не является фактором, требующим, стимулирующим развитие производительных сил в целом.

К общим положениям можно добавить конкретные. Стабильное ведение хозяйства в соответствии с правилами агротехники (подготовка структуры почвы, поставка на поле воды и удобрения) –

главный заслон на пути истощения почв и развития эрозии. Нестабильность, неустойчивые крайности и вариации, вызванные любыми причинами – от природных до политических, являются решающими факторами в развитии эрозии и истощении почв. По мнению Р. Парсона (1969: 118–119), «при всей серьезности непосредственных последствий истощения пахотной земли: неурожая, низких доходов, недоедания, худосочных растений, тощего скота и обедневших людей – они, возможно, отступают на второй план по сравнению с прогрессирующим ухудшением самой почвы. Истощенная пахотная земля легче разрушается эрозией или выщелачиванием, или тем и другим, потому что, теряя перегной, она теряет способность поглощать и удерживать воду. В свою очередь, ускоренные процессы эрозии и выщелачивания в еще большей мере обедняют почву перегноем».

Если учесть, что эрозия почв – самоускоряющийся процесс, поскольку эродированная почва меньше впитывает воду и поверхностный сток увеличивается, то нарушение технологии в критические моменты (вспашка, сев и т. п.) чревато серьезными последствиями. За один только день с грозами может оказаться наполовину смытой почва, развивающаяся много сотен лет. В древности и в Средневековье такие нарушения стабильного ведения хозяйства нередко вызывались военными действиями. Причем если при войнах между земледельческими государствами более или менее соблюдалось неписаное правило не вести боевые действия в страду, что отчасти вызывалось необходимостью одновременного проведения идентичных мероприятий, то при столкновении государств различной хозяйственной ориентации, особенно земледельческих и скотоводческих, такое правило не соблюдалось.

Поддерживать ирригационные сооружения, столь необходимые в аридном климате, в работоспособном состоянии тем сложнее, чем выше внутри- и внешнеполитическая нестабильность: чем больше расходы на поддержание социального мира внутри страны и на охрану ее границ, тем меньше средств на текущий и капитальный ремонт плотин и каналов.

Переходя от технологии к выявлению ценностных ориентаций, мы видим прежде всего не независимые индивидуальные хозяйства, каждое из которых отражает характер своего хозяина, личные ценностные установки и знания, но унифицированную *систему*,

спаянную технологической дисциплиной. С одной стороны, отдельное поле, заброшенное, плохо или несвоевременно обрабатываемое, – источник бед для всех. В хороший ливень оно становится угрозой эрозионной опасности для всех полей, расположенных выше и ниже. С другой стороны, каждое новое поле, а оно возможно только над (выше) созданными ранее, является дополнительным гарантом эрозионной устойчивости всей системы. Вновь создаваемое поле – целина. Подъем целины требует больших и некупаемых при жизни целинника затрат. Окупятся они через 50–100 лет и принесут благоденствие потомкам. В этой системе можно найти подобие, например, автомобилю, все детали которого должны находиться в исправном состоянии, но станций техобслуживания нет. К тому же многие детали системы – одушевленные – сами люди⁷. Вместе с тем работа в ней не слишком сложна и травмогенна. Главное в такой системе – *порядок*, который имманентно содержит в себе необходимость *иерархии* структуры и функций.

Производственные действия в технологии заливного рисоводства растянуты во времени, что позволяет наблюдать за ними со стороны и исправлять текущие ошибки без тяжелых последствий. Они расчленены на отдельные простые операции, оставаясь из поколения в поколение неизменными, *ритуализированными*, и не требуют постоянного проявления личной инициативы и сложной рабочей силы. Технология заливного рисоводства нуждается прежде всего в неизменности бытия – *стабильности, мире*. Мире внутри человека, уверенности, что завтра будет все так же, как и сегодня, и крестьянин будет жить в памяти потомков постольку, поскольку заложенное им поле будет давать богатые урожаи⁸. Социальном мире, ибо в этой системе перемешаны поля богатых и бедных, хозяев, полуарендаторов и арендаторов, а восстания способны разрушить действия ирригационных сооружений, хотя бы из-за того, что вовремя не будет проводиться их ремонт. Главное условие стабильности – возможность каждому иметь свое поле. Если образуется несоответствие между возросшей рабочей силой и наличными рабочими местами, стабильность системы нарушается. Неслучайно крестьянские восстания в Китае – это восстания не крестьян, а люмпенов, людей, выброшенных из сельскохозяйст-

⁷ Пословица древних китайцев гласит: «Рис половину времени растет в руке земледельца».

⁸ В Китае говорят: «Человек живет столько, сколько его помнят».

венной производственной системы. Система требует сохранения соответствия количества работников и рабочих мест, поэтому регулирование рождаемости за счет налогов – традиционная функция китайского государства. Наконец, нужен мир с другими государствами, иначе иноземцы в качестве решающего удара по врагу могут целенаправленно разрушить те же ирригационные системы. Стабильность, мир и порядок может обеспечить *государство*. Отсюда его ведущая роль в системе ценностей. Но государство, как и любая система, немислимо без *иерархии*, а люди способны лучше всего подчиняться иерархии, сохранять порядок тогда, когда они делают это не задумываясь, т. е. совершая те или иные *ритуальные* действия, освященные *традицией*, целесообразность которой проверена временем и не требует ежечасного подтверждения.

Итак, повторим в порядке изложения набор взаимосвязанных ценностей, детерминированных технологией производственного процесса, но исторически выбранных обществом: *порядок, иерархия, ритуал, стабильность, мир* (в трех ипостасях), *государство, традиции*. Порядок – это та ценность, которую обществу гарантирует государство и ради которой общество готово терпеть государство. В данном случае государство необходимо не только ради социального порядка, но и как гарант всеобщей стабильности. Ясно, что в этой технологии главными ценностями являются *государство* и *стабильность*.

Технология заливного рисоводства могла возникнуть и в иной цивилизации, и в другое время, но получить широкое распространение только там, где ей соответствовало мировоззрение людей, их представления о мире и о себе. Китай и Конфуций, Китай и рис – духовное и материальное – понятия и символы, в сознании людей неразрывно связанные. Но в Китае традиционны не только заливное рисоводство, но и пшеничное земледелие. Может ли общество эксплуатировать технологию, не соответствующую ментальности? Ответ очевиден: может, но с недоиспользованием ее возможностей. Для Китая это означало разные судьбы севера страны – ареала пшеницы – и юга – ареала риса (Кульпин 2009: 148–162).

* * *

Технологии позволяют обнаружить основные ценности, однако не обязательно в полном объеме, поскольку общество не ограничивается хозяйственной деятельностью. В целостной системе, кото-

рая по определению имеет ограниченное число элементов, эти ценности могут быть частью. Однако поскольку все элементы системы взаимосвязаны, то если после выявления ценностей, связанных с основным хозяйственным процессом, обнаруживаются «пустоты», их можно заполнить, используя другие методы анализа, прежде всего из арсенала традиционной истории. Вопрос, который исследователь задает истории, таков: какие ценности оставались неизменными на протяжении столетий или тысячелетий, несмотря на все изменения, которые происходили? Тотальная проверка осуществляется за счет соответствия полученного результата традиционным представлениям об объекте⁹ с учетом того, что система основных ценностей – это не то, что есть, а то, к чему общество должно быть устремлено. И идеал этот – в нашем бессознательном.

Литература

Алаев, Л. Б. 2008. Смутная теория и спорная практика: о новейших цивилизационных подходах к Востоку и России. *Историческая психология и социология истории* 2: 87–112.

Дюдаль, Р. 1956. К вопросу о генезисе и классификации рисовых почв. *География и классификация почв Азии*. М.: Наука.

Зеленский, В. В. 1994. Карл Густав Юнг. В: Юнг, К. Г. *Аналитическая психология*. СПб.: МЦИК и Т «Кентавр», с. 5–10.

Ионов, И. Н. 2007. *Цивилизационное сознание и историческое знание*. М.: Наука.

Карпачевский, Л. О. 1983. *Зеркало ландшафта*. М.: Мысль.

Кульпин, Э. С.

2005а. Проблема ментальности в современном мире. В: Кульпин, Э. С. (ред.), *Природа и общество в глобализирующемся мире*. М.: ИАЦ-Энергия, с. 7–13.

2005б. Что можно принять за ДНК цивилизации. В: Кульпин, Э. С. (ред.), *Природа и общество в глобализирующемся мире*. М.: ИАЦ-Энергия, с. 189–195.

2008. *Путь России: генезис кризисов природы и общества в России*. М.: ЛКИ.

2009. *Восток: Природа – технологии – ментальность на Дальнем Востоке*. М.: ЛИБРОКОМ.

⁹ Таким путем были выявлены основные ценности китайской и японской цивилизаций в сравнении с европейской (Кульпин 2009) и осуществлена реконструкция процесса становления системы ценностей российской цивилизации (Он же и др. 2005; Он же 2008).

Кульпин, Э. С., Клименко, В. В., Пантин, В. И., Смирнов, Л. М. 2005. *Эволюция российской ментальности*. М.: ИАЦ-Энергия.

Мещеряков, А. Н. 2009. *Император Мэйдзи и его Япония*. М.: Наталис.

Парсон, Р. 1969. *Природа предъявляет счет*. М.: Прогресс.

Шнирельман, В. А. 2009. Слово о «голом (или не совсем голом) короле». *Историческая психология и социология истории* 2(2): 55–74.

Юнг, К. Г. 1997. *Аналитическая психология: Прошлое и настоящее*. М.: Маргис.

Яковенко, И. Г. 2009. Теоретические основания цивилизационного анализа России. В: Давыдов, А. П. (сост.), *В поисках теории российской цивилизации: памяти А. С. Ахиезера*. М.: Новый хронограф, с. 224–260.